

ных земельных переделов в дореформенной общине абазин, о наличии захватно-зачинной формы землепользования представляется вполне аргументированным. Убедительны также приводимые в книге данные о появлении регулярных переделов земли в пореформенное время.

Всестороннее изучение сельской общины естественно подводит автора к попытке объективно оценить уровень развития феодальных отношений абазинского этноса. Е. Н. Данилова характеризует их как раннефеодальные, подчеркивая при этом многоукладность абазинского общества.

Вторая глава книги — одна из наиболее насыщенных фактическим материалом и важных для понимания изучаемой проблемы. Помимо названных вопросов в ней характеризуются многообразные традиционные трудовые объединения, их функции и состав (здесь особенно удачно вводится полевой материал). Показано также влияние развивающихся капиталистических отношений на характер этих трудовых сообществ. При сохранении формы меняется сущность таких трудовых объединений: из институтов родственной и соседней взаимопомощи они превращаются в институты эксплуатации кулаками своих родственников-бедняков.

Закономерным продолжением второй является третья глава, в которой рассмотрена внутренняя структура соседской общины абазин, показана большая роль в ней родственных коллективов — большой и малой семей, патронимий. Очень интересна мысль автора, логически вытекающая из анализируемого в главе материала, что дореформенная сельская община абазин включала только все свободные сословия. Крепостные и рабы не считались членами общины (с. 103—105). Таким образом, территориальная община абазин объединяла не весь этнос, а лишь часть его.

Последняя, четвертая глава монографии посвящена органам управления абазинской общины. Безусловным достоинством этой главы является анализ динамики форм общинного управления, рассмотренных на протяжении двух периодов — дореформенного и пореформенного.

Итак, перед нами серьезное и оригинальное этнографическое исследование, во многом основанное на новых материалах и по-новому ставящее ряд важных и малоисследованных вопросов этнографии абазин. Решение многих из этих вопросов ценно не только для понимания истории абазин, но гораздо шире — Кавказа в целом. Разумеется, не все вопросы освещены в монографии равноценно. Так, видимо, следовало полнее охарактеризовать положение основных категорий общинного населения — свободных крестьян — *анхаю*, вольноотпущенников — *азатов*, мелкого дворянства — *агмиста*. Указанные категории — самые многочисленные, причем любопытно, что удельный вес агмиста в составе общинного населения даже несколько превышает удельный вес анхаю и азатов (см. табл. 5, с. 94). Этот факт требует особого истолкования. Правильно поставлен вопрос о том, что традиционный хозяйственный уклад абазин способствовал устойчивости общинных порядков. Но хотелось, чтобы эта важная проблема была рассмотрена обстоятельнее. Следовало также уделить больше внимания общественному, а точнее, общинному быту абазинского крестьянства в прошлом, шире привлекая собственно полевые этнографические материалы.

Эти пожелания не меняют общего отрядного впечатления от работы Е. Н. Даниловой. Книга иллюстрирована: некоторые рисунки и фотографии публикуются впервые.

Монография Е. Н. Даниловой привлечет внимание не только специалистов. Все, кто интересуется историей и этнографией народов Северного Кавказа, найдут в ней много нового и интересного.

Л. Б. Заседателева

М. Я. Жорницкая. Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1983, 151 с.

Рецензируемая книга — один из немногих трудов, посвященных этнографическому изучению хореографического искусства. В основу исследования положен полевой материал, собранный автором на огромной территории в экстремальных бытовых условиях: записаны и изучены танцы азиатских эскимосов, чукчей, коряков, ительменов. М. Я. Жорницкая проявила себя как человек, преданный своему делу, истинный полевик-этнограф, не останавливающийся перед трудностями.

В целом работа проникнута большим уважением и любовью к хореографической культуре эскимосов, чукчей, коряков и ительменов и ее носителей.

Помимо собственных записей, делавшихся в течение многих лет, автор проанализировал все доступные архивные и литературные данные.

Для того чтобы танец стал предметом этнографии, нужно его комплексное изучение — записи «кинетического, музыкального, словесного текстов танца» и некоторых других связанных с ним явлений. Именно М. Я. Жорницкая первая начала комплексную запись хореографического наследия народов Севера, разложила танец на единицы движения и описав каждый элемент. На этом материале она вместе с Ж. К. Хачатрян провела апробацию методики записи танцев, предложенной основоположницей советской этнохореографии Србуи Лисициан, и еще раз подтвердила универсальность и математическую точность этой методики.

В книге изложены основные принципы записи и, самое главное, помещены 11 кинетограмм танцев изучаемых народов. Чтение кинетограмм дает возможность точно воспроизвести танец со всеми его нюансами, в то время как посредством словесного описания он может быть восстановлен лишь приблизительно.

Применение кинетограмм позволило М. Я. Жорницкой зафиксировать и сопоставить мужские и женские танцы и провести сравнительный анализ плясового наследия эскимосов, чукчей, коряков и ительменов.

Книга состоит из пяти глав: четыре посвящены анализу танцевальной культуры эскимосов, чукчей, коряков, ительменов; в пятой говорится о путях развития современного хореографического искусства коренного населения Северо-Востока Сибири. Танец показан на историческом и этнографическом фоне. Автор характеризует хозяйственный уклад, который лег в основу танцевальной культуры, мифологического мышления и обрядовой структуры того или иного народа. М. Я. Жорницкая стремится установить связь сюжета и движений танца с содержанием и назначением различных праздников.

Записав кинетический и музыкальный текст трудовых подражательных танцев изучаемых народов на «Празднике Кита», автор представил уникальный материал для сравнительно-исторического анализа и реконструкции древнейших пластов указанного праздника.

Среди промысловых танцев, приуроченных к определенным праздникам, представлены такие сюжетные пляски-пантомимы, как «Олень», «Нерпа», а также частично сохранившиеся «Морж», «Медведь», «Волк». Фиксация ритма атрибутов действия дает оригинальный и очень ценный материал по истории танца и верований. Особо хочется отметить, что запись танцев «Олень» и «Нерпа» настолько совершенна, что может быть использована многими современными танцевальными ансамблями с сохранением даже стиля и манеры исполнения.

М. Я. Жорницкая записала также движения танцев «Горбуша» и др., отражающих символику рыбного промысла. Собираательство отражается в танцах «Сбор сланника» (эскимосы), «Танец с пучками травы» (чукчи, коряки). Интересно отметить, что длительность исполнения того или иного танца в ряде случаев определялась временем, необходимым для сгорания пучков священной травы. Если вспомнить, что у многих народов обрядовые танцы длятся до тех пор, пока догорят свечи, то можно прийти к заключению, что так выявляется один из народных способов регламентирования сакрального времени.

Опубликованные автором записи подражательных танцев, посвященных ворону (эскимосы, чукчи, коряки, ительмены), чайке (эскимосы, коряки,) журавлю (чукчи), куропатке (чукчи, коряки), лебеду (чукчи), утке (эскимосы), топорку (эскимосы, коряки) способствуют более глубокому освещению мифопоэтических представлений, связанных с передачей образов птиц, а также раскрытию закономерностей положенных в основу танцев. В книге использованы сведения, сообщенные автору информаторами, приведены описания обрядовой ситуации, во время которой исполнялся тот или иной танец, а также привлечены материалы и толкования предшественников-этнографов.

Напомним, что «птичьи» танцы бытуют не только у народов ближайших регионов, но, например, и у армян («Журавлиная», «Лебединая», «Куропатка», «Танец ворона»). Опубликованные М. Я. Жорницкой материалы открывают возможности для сравнительно-исторического анализа. Здесь же отметим, что «птичьи» танцы, как показывают данные по народам Севера, легли в основу народных театрализованных действий с ряжением.

Нам кажется, спорным деление танцев на обрядовые и игровые, поскольку принцип игры как таковой имеется и в обрядовых плясках. Более понятна была бы классификация на обрядовые и светские (не обрядовые), либо обрядовые и бытовые танцы. В то же время мы считаем, что танцевальные циклы «Ворона», «Чайка», ряд охотничьих плясок несмотря на утрату ими мифического смысла, следовало бы отнести к обрядовым.

Автором выявлены и магические пляски, связанные с почитанием духов, в том числе благодарственные танцы вокруг очага с целью задобрить душу убиваемого животного. В них проявилось наивное представление человека о возможности отпугнуть и изгнать злой дух гримасами, масками, приемами «стряхивания» с тела пляшущего нечисти. Рассматривая эти танцы, М. Я. Жорницкая не только дает словесное описание танцев и приводит некоторые кинетограммы и фотографии, но и воссоздает обстановку их исполнения.

Чрезвычайно важны для решения проблемы возникновения народного танцевального искусства приведенные в книге данные о сочинении танцев отдельными талантливыми народными исполнителями. Память о них до сих пор живет. Танцы же эти бытуют как в народе, так и в сценической интерпретации.

Достоинством книги является описание «сценической площадки», обрядового действия и танца, а также их атрибутов и, что особенно важно,— традиционных костюмов исполнителей народных танцев, которые в значительной мере обуславливают графику танца. Автор прослеживает связь между движениями исполнителей и костюмами. Танцевальным костюмам приписывались также магические функции.

В конце каждой главы характеризуется пластика танца изучаемого народа в сравнении с танцевальной пластикой соседних народов. В каждом случае выявляется традиционное построение участников в танце. Здесь интересно наблюдение автора об отсутствии в танцах изучаемых народов движения по кругу. Отмечается также, что танцы внутри полога были сидячими. И если в наше время некоторые танцы исполняются стоя, то все равно продвижения по площадке и вообще движений ног даже на месте в них пока нет. Можно было бы привести еще много интересных наблюдений.

Как мы видели, анализ обрядовых плясок разных народов дает в руки ученых

богатый материал для сравнительно-исторических исследований духовной культуры населения изучаемого региона.

М. Я. Жорницкая выявила типологию и особенности танцевального искусства эскимосов, чукчей, коряков, ительменов и показала роль традиционных танцев в современной жизни, использование их в художественной самодеятельности и роль этого вида творчества в развитии нового танцевального искусства. В ряде случаев автор прослеживает взаимодействие художественных традиций разных народов.

Книга богато иллюстрирована. Приведенные фотографии одновременно являются «изобразительным текстом» к описанию танцев и материалом для воссоздания народного и сценического костюма, а также общей атмосферы того или иного действия.

Рецензируемая книга позволяет переосмыслить некоторые факты, касающиеся генезиса танцевального искусства, и приобщиться к интересному духовному миру коренного населения Северо-Востока Сибири. В этом ее сила, научная и познавательная ценность.

Э. Х. Петросян, Ж. К. Хачатрян

И. Б. Молдобаев. Эпос «Жаныш и Байыш» как историко-этнографический источник. Фрунзе: Илим, 1983. 179 с.

Работа киргизского исследователя И. Б. Молдобаева посвящена анализу эпоса «Жаныш и Байыш», до настоящего времени оставшегося мало изученным. Рецензируемое исследование в значительной мере восполняет этот серьезный пробел.

Говоря о значении работы в целом, хочется в первую очередь отметить умелый конкретный анализ. Автор тонко, со знанием дела по крупницам извлекает из эпоса историко-этнографические сведения. Неоценимым подспорьем для него при этом является живое ощущение стихии родного языка, понимание бытовых реалий киргизов. В научный оборот вводится много нового, ранее не публиковавшегося материала. Большая предварительная работа была проделана самим автором, собиравшим в течение ряда лет сведения о народном быте и фольклоре в различных районах Киргизии. И. Б. Молдобаев подробно и внимательно сопоставляет варианты эпоса, записанные от разных сказителей. В приложении приводятся их краткие биографии и даны сведения об их исполнительском репертуаре.

В первой главе, посвященной общей характеристике эпоса, большой интерес представляет анализ топонимии, сделанный профессионально с привлечением параллельных источников (других эпических сказаний киргизов, исторических хроник, описаний путешественников). И. Б. Молдобаев убедительно аргументирует сказочный, метафорический характер ряда встречающихся в «Жаныш и Байыш» названий. Это, по его мнению, озера Айдын-Кель (точный перевод — Зеркальное чистое озеро, с. 33), Баш-Кель и Орто-Кель (Головное и Срединное озера, с. 36). Другие названия автор считает возможным идентифицировать. Например, сказитель А. Куюков вводит в свое повествование озеро Кара-Кель (Черное озеро), которое находится в Ошской области (с. 37). Недостаточно обоснованной, на наш взгляд, выглядит попытка идентифицировать озеро Ала-Кель (Пестрое озеро) именно с озером, расположенным на территории Семипалатинской области (с. 35). Сам же И. Б. Молдобаев чуть раньше сообщает о том, что два озера с аналогичными названиями встречаются также на территории Киргизии (с. 34).

Рассматривая вопрос о времени сложения эпоса, автор считает возможным отнести его ко второй половине XV—XVII в. Он обращает внимание на то, что в указанный период существовали тесные взаимоотношения между киргизами и казаками. Это подтверждают не только материалы эпоса, но и различные другие источники. Однако, на наш взгляд, такая близость не находит в работе четкой интерпретации; ведь, очевидно, нужно говорить не просто о союзнических отношениях между двумя народами (с. 48), но и их глубоком родстве — факт, кстати, отмеченный и самим автором, который пишет, что «киргизский род Алакчын этнически связан с казаками» (с. 48).

Во второй главе И. Б. Молдобаев анализирует информацию о хозяйстве и социальном составе киргизов, содержащуюся в различных версиях «Жаныш и Байыш». Автору удалось извлечь из эпоса интересные сведения о существовании земледелия у киргизов уже в период позднего средневековья (с. 55). Конечно, как считает автор, эпос не дает, да и не может дать целостной картины хозяйства, но отдельные черты хозяйственной деятельности, например красочный рассказ о том, как строился мост, представлены правдиво и реалистично (с. 57—58).

Заслуживает внимания попытка И. Б. Молдобаева объяснить различие между терминами «бек» и «бий»¹, которые ряд исследователей считает синонимичными (с. 68). «Из контекста эпоса „Жаныш и Байыш“ явствует, что по занимаемому положению беки стояли выше биев», — отмечает автор (с. 72). Кроме того, по его мнению, термин *бек* появился раньше, чем термин *бий*. Разумеется, материалов одного только эпоса недостаточно для исчерпывающих выводов, но И. Б. Молдобаев делает определенный вклад в дискуссию по этому вопросу, продолжающуюся и поныне.

Во второй главе эпос рассматривается как исторический источник. Разумеется, реконструировать историческое прошлое по фольклорным материалам нелегко, но неко-

¹ Ср. с объяснениями, приводимыми в кн.: Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965, с. 125.